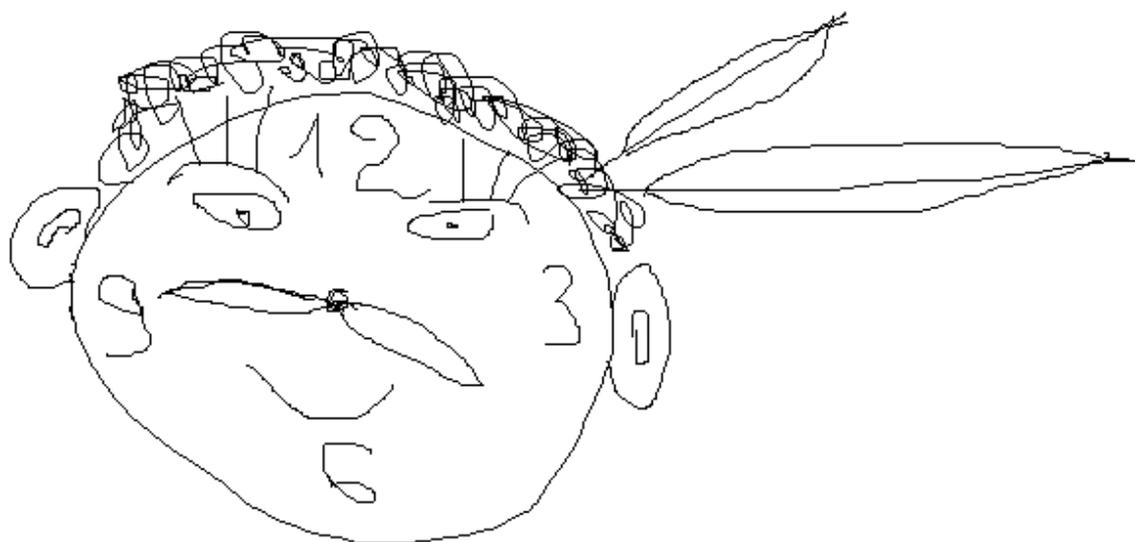

Илья Верховский
(Эли Бородэрл)

Индеец молчит

Стихи

Мифическое издательство «Гайавата»

Ханты-Мансийск-Иерусалим

2010

<i>Ливень лет (Акrostих на день рождения сына)</i>	3
<i>Птица</i>	4
<i>Обмен паспортами</i>	5
<i>Словопортрет ребёнка</i>	6
<i>Изюм да миндаль</i>	7
<i>Птенец и небо</i>	8
<i>Сказка о блюзовом клубе (маленькая поэма)</i>	9
<i>Опыт непосредственного творческого процесса</i>	11
<i>Приходит весна. А я люблю осень</i>	12
<i>Чехов</i>	13
<i>Индеец молчит</i>	14
<i>Об одном разговоре белой козочки с товарищами обезьянами</i>	15
<i>Некоторое количество определений</i>	16
<i>Баллада о шестиногом Лосе (мансийский миф)</i>	17
<i>Первая в мире звезда</i>	18
<i>Баллада об исчезающем гитаристе</i>	19
<i>Человечки, не читавшие Конан-Дойля</i>	20
<i>Носорог (Акrostих на собственный день рождения)</i>	21
<i>Свердловское (Кофе памяти)</i>	22
<i>Биньомин Гутянский. Лунное хулиганство (перевод с еврейского)</i>	23
<i>Говорящие ромашки - это правда</i>	24
<i>Будни философа</i>	25
<i>Овсей Дриз. Деревья в серебрянных баשמачках (перевод с еврейского)</i>	26
<i>Сны</i>	27
<i>Блюз-медведь</i>	28
<i>Ромашковая беседа</i>	29
<i>Сказка о Верховском детстве (маленькая поэма)</i>	30
<i>Дом</i>	35
<i>Биньомин Гутянский. Вэй и Ох (перевод с еврейского)</i>	36
<i>Месяц Серого Неба</i>	37
<i>Лапы дождя</i>	38
<i>Концерт у распахнутой форточки</i>	39
<i>Разговор с шарманщиком</i>	40
<i>Лесная Лисица и белые бабочки</i>	41
<i>Быть птицей</i>	42
<i>Овсей Дриз. Чай со звёздами (перевод с еврейского)</i>	43
<i>Родниковый огонь</i>	44
<i>Две кошки августа</i>	45
<i>Старик-мальчишка (листья памяти)</i>	46

Ливень лет (Акростих на день рождения сына)

Тают времени лепестки -
Исчезают синими бабочками в безвозвратном вечернем воздухе.
Месяц в небе смеётся – месяц за месяцем.
Курлычут лебеди на озёрах – весну за весной.
Ежевика видит ёжика и улыбается ему лесным солнышком.

6 белок скачут по кедром и поют хвостатые блюзы восхищённым сорокам.

Ливень лет – одно лето, второе, третье, четвёртое, пятое...
Еле-еле капли стучат по распахнутым окнам души.
Тёплый ветер. И звёздная паутинка самолётиком в небе.

Птица

-Птица, а, птица!
Ты птица, синица?
У тебя синие пёрышки?
Как у скворушки?
Или ты птица - сорока?
Что летает высоко,
Глядит далёко...
Порою печально стрекочет,
Будто весь мир обнять хочет.
Или ты птица - воробушек?
Носишь в клюве хлебушек
Птичьим детям -
И всем на свете!
Ты, птица - хорошая.
У тебя - душа взъерошена.
И два крыла -
Для тепла...

Обмен паспортами

Весна и осень поменялись местами.
А, может быть, – паспортами.
Вместо листопада – на берёзах почки.
Из них глядят молоденькие листочки.
Но ветер - осенний
И небо - хмуро,
Как Серёжа Есенин
И Гагарин Юра...

Словопортрет ребёнка

Он - славный!
И может быть -
На целом свете самый главный.
У него улыбка -
Как солнечная рыбка.
И глаза -
В каждом -
Разноцветная стрекоза.
Он - сам лучик
Среди небесных хмарищ и малых тучек.
Глядит на мир.
А мир - глядит в него.
И нету в мире дыр.
Есть - волшебство.
У него есть мама.
Он - не сиротка.
Он - плывущая прямо
В небо лодка.
Там, в небе, на облаке -
Можно прыгать, кувыряться и хитро прищуривать левый глаз.
И смотреть.
На нас.

Изюм да миндаль

Я не понимаю, что такое завтрак.
Мне кажется это то, что можно перенести на завтра к
Такой-то матери,
Когда на времён лёгком катере,
Мы окажемся уже не здесь и сейчас,
А немножечко там и потом.
Там! Та-ра-рам!
И я перед работою беру в горсть немного изюма и миндаля.
Выхожу на сонную утреннюю улицу, мурлычу песню,
Гляжу на берёзы и тополя.
А в небе узкий ломтик луны висит,
Напоминая почему-то Святой Грааль.
Иду себе и трескаю.
Изюм да миндаль.
Изюм да миндаль.

Птенец и небо

-Птица-синица!

Сердечко будет биться!

Птенца из ямы вынем.

Небо будет синим!

Сказка о блюзовом клубе (маленькая поэма)

Гитаристу Виталию Силантьеву по прозвищу Малыш

Мы были в блюзовом клубе.
Рядом сидели люди...
На сцене играла группа
С наивным и странным названием.
Мы пили пиво. Бокалы
Пенились, как утёсы.
Балтика.
Седьмой номер.

Играли Стиви Рэй Возна,
Блюз про плохое место-
Пронзительно ясно и чисто
(как лучей осторожный шёпот),
И я -
Вдруг отчётливо понял,
Что пространство -
Оно - живое.
Ты можешь жить в Антарктиде,
На Оби или в Петербурге,
Но тысячи километров
В секунду обрушатся пылью
Под гитарных струн бормотанье,
Что взорвётся синичьим криком
Через мгновенье, и кажется -
Вот-вот, ещё пару тактов -
И ты поймёшь самое главное,
То, что вечностью ускользает
И машет хитрым пушистым хвостом
Душе, удивлённой и грустной...

Рядом сидели люди.
Сидели два моих друга,
А третий - стоял на сцене
И колдовал на струнах
Узор, что остался в памяти
Радужной веткою лета -
Отчего-то -
Чуть-чуть тревожной...

Клуб был в питерской подворотне.
На Шпалерной - потом налево,
В старом гулком дворе-колодце.
И мы, опоздав к началу,
Из-за проигрыша «Зенита»
И того, что метро закрыли -
Всё таки - попали на праздник.
Для меня
(не хотите - не верьте!)
Этот вечер...
Как день рожденья
Или Новый Год для мальчишки,
Что отчаянно верит в чудо
Оживающих ночью игрушек
И ждёт живого Деда Мороза.
И сто тысяч раз прав мальчишка!!!

Мы были в блюзовом клубе
Джи. Эф. Си. - три английских буквы
Словно пропуск, пароль-заклинание
В чуть мерцающую реальность,
Где играя в зрачках и гранях
Душ, зеркал, папиросного –дыма
–(Моего. Беломора. Дж. Петро).
И с холодным пивом бокалов -
Остался меня осколок,
Пятнышко ивовой радуги.
Там, в Lanny и Tin Pan Alley -
В этих тихих и нервных звуках,
Там, где Серёга и Сашка
И другие хорошие люди.
Там, где блюзовой пёстрой Вселенной
Опалён предвечерний сумрак.....

....гитариста в огромной кепке,
для кого-то - смешной и нелепой
(дураки они просто, вот что)
Было имя - Малыш...

И сто тысяч раз прав мальчишка!!!
(Из - на день - моего Петербурга).

Опыт непостороннего творческого процесса

Мне захотелось сочинить стих.

Ых!!!

Но стих - не сочинился мой.

Ой!!!

И смех, и грех.

Э-э-эх....

Приходит весна. А я люблю осень...

Приходит весна.
А я люблю осень.
И что мне с этим поделать?
Курю у окна. Без пятнадцати восемь.
Снег искрится праздником белым.
Но ему - умирать.
Потом будет листва.
И трава.
И солнечный ветер.
Это - мир. И его не вместить в слова.
Он - печален. И странен. И светел.

Чехов

Жил на небе ёж -
На кедровую шишку похож.
Глядел с неба на мир,
Любил дырчатый сыр.
Угощал этим сыром луну,
Говорил:
-Ой-йой! Ну и ну!
Луна! А вы с сыром похожи!
А луна отвечала:
-Да, ёжик.
А ты похож на кедровую шишку.
Ведь мы пишем с тобой мира книжку.
Обозревая окрестности
Нашей ночной звёздной местности.
На земле закончится день –
Мы с тобой в небе сядем на пень,
Будем щёлкать орехи, петь песни...
Так на свете ведь жить – интересней!
И люди скажут:
-Нам всё понятно!
Как устроен этот загадочный мир.
Луна – ночной дырчатый сыр.
А ёжик – на сыре пятна
От рассыпанных горстью орехов.
Молодец, Антон Павлович Чехов!

Индеец молчит

Кену Кизи

Детство.
Озёра как неба глаза.
Воздух – звенящая стрекоза.
Светло. Мир как Дом.
Время как Сом.
А ты – как сомёнок.
У костра танцующий оленёнок.

Индеец молчит.
А песня звучит.

Жизнь – мостик через ручей.
Ты – посредине.
И ты – ничей.
Улетают стрекозы с озёр.
Трещит печально костёр
Лишь памяти перья вокруг головы
И отголосок крика совы.

Индеец молчит.
А песня звучит.

Осень.
Перья памяти облетели
Тлеет костёр еле-еле.
Значит, пора в дорогу.
Туда, к своему детскому Богу,
В иной мир, в невидимую Канаду -
Где на небо мосты из радуг.
Где – над кукушкиным гнездом –
Потерянный Дом.

Индеец молчит.
А песня звучит.

Об одном разговоре белой козочки с товарищами обезьянами

Прыгала козочка по заброшенной старой дороге.
Смеялась, корчила рожицы, песенки распевала.
А за нею прыгали Бандарлоги.
Козочка обернулась, им рукой помахала.
(ну, не совсем рукой, - скорее копытцем,
и тут же умудрилась чуть в лужу по самые уши не провалиться).
-Откуда вы, Бандарлоги? Здесь же не Индия!
И вождь Бандарлогов ответил: «Увы, не понимаю на хинди я...».
-Какой такой хинди? Обезьянёнок, ты что, разве не видишь?
Я с тобой разговариваю простым человеческим языком идиш.
-Ой, *цигэлэ, таере майне**, милая белая козочка!
Ой, *вэй-з мир***, у тебя - за левым ухом шикарная красная розочка.
*Ун ломир же махн а лехаим!**** Вот – стол, и вино и закуски.
И всё же, *дахт мир*, мы с тобой разговариваем по-русски.
-Ой, что вы морочите голову, товарищи обезьяны!
На идиш, по-русски... Скорей наполняйте стаканы!
И будем гулять, веселиться, петь песенки козочки и обезьянии
И прыгать, и танцевать, и бананы жевать из Танзании.
И будем мы миру светить! Ну чего же вы рты разеваете?
Давайте!
И Бандарлоги, что стали как хвостатые солнышки, улыбнувшись, сказали:
-Давайте!

**Козочка, моя дорогая (идиш).*

***Горе мне (иронич., идиш).*

****Так давайте же выпьем! (идиш).*

*****Кажется мне (идиш).*

Некоторое количество определений

Газеты – это газированные клозеты.

Дикобраз – это диковинный образ.

Интернет – это болгарские сигареты, которых больше нет.

Истина – это исчезающая на глазах паутина.

Люди скользят краем глаза по поверхности мира,

И забывают поздороваться с невидимыми одуванчиками.

Они забыли о дикобразе.

Потому что об этом не пишут в газетах

И в интернете.

Баллада о шестиногом Лосе (мансийский миф)

Лось, дорогие товарищи - хоть верь, хоть не верь -
Это практически неизвестный науке зверь.
Как Чебурашка или Хронотоп, нет - Слонотоп, нет - Мамонтопотам!
Что имеет отношение лишь к архаичным двуногим безрогим скотам.
Лось же - ого-го! Что же мы знаем о нём? У него есть рога.
А вы знаете, что у лося есть невидимая пятая и даже шестая нога?
Что его творческий псевдоним - Слейпнир, и он некогда шастал по небу.
Разыскивая там свою потустороннюю Аддис-Абебу.
След от шести его ног на небе - Млечный Путь,
По которому души умерших убредают куда-нибудь.
Но однажды за лосем погнался сын Нуми-Торума Мир-Суснэ-Хум.
Отрубил ему лишние ноги, будто играя в DOOM.
Сбросил с неба...
С тех пор лось печально бродит по лесу.
Ищет свою Шхину -
Потерянную на небе принцессу...

Первая в мире звезда

Жил-был День.
С ушами, глазами и улыбающейся мордочкой.
Однажды День сел на пень -
И достал молоточек с отвёрточкой.
Подумал: "Ну и зачем я всё-таки это сделал?".
А вокруг всё было ослепительно белым.
И вдруг всё стало черным-черно!-
Как будто в страшном кино.
Тогда День взял отвёртку, приставил к небу и ка-ак
Стуканёт по ней молотком,
И – уэйфф! – тут же вниз полилась струя нездешнего света –
Золотым молоком –
В миллионы подставленных удивлённых глаз праздничных чарок.
Это была первая в мире звезда.
Неба
Звёздный
Подарок.

Баллада об исчезающем гитаристе

Он любил играть на гитаре
В старом прокуренном баре
На окраине Иерусалима –
Где время неумолимо,
Где к ночи мерцает воздух
И весь мир в загадочных звёздах.
Он играл блюзы – древние,
Как Африка в сердце Техаса,
Как протяжный крик попугая,
Как полночный ящеркин шопот.
Струны выли, пели и плакали.
Змеились, ёжились, квакали.
Хохотали и хулиганили.
Шелестели и ураганили.
Он был блюз-мастер большой
И играл не пальцами, а душой.

...

А когда играть уже было нечем-
Кончался блюзовый вечер.
И ложилась в чехол гитара.
Он выпивал две бутылки «Гольдстара»,
Курил, пристально глядя на дым,
Становился совсем седым.
Становился совсем прозрачным
И бытийственно неоднозначным -
И в конце растворялся совсем.
Чтоб назавтра играть.
Ровно в семь.

Человечки, не читавшие Конан-Дойля

Свет ветками белой брусники летит, как молочная птица.
Мы пляшем на снежных листах, - дети, становящиеся стариками,
Ночь зегзицею черной наши души укутала в синие пледы.
Весна вместе с осенью шепчет напев одинаковый, тихий и странный.

Мы родились - и начал крутить аппарат улыбающийся киномеханик,
С папиросой КАЗБЕК в уголке уст и в старомодной соломенной шляпе.
Кино - как зазеркальное чудо из детства - досмотрено до середины.
И ещё полфильма на плёнке - но о чём, мы пока не знаем.

Пляшут на снежных листах человечки, не читавшие Конан-Дойля,
Хохочут, размахивая всем, чем можно, и горстями швыряют время -
В небо, в мир, умываются им, превращают время в шары и хлопушки -
Старики, становящиеся детьми - навсегда, навечно.

Носорог (Акростих на собственный день рождения)

Загадочно звенит в зелёный звонок
6-крылый носорог -

Лает,
Еловой шишкой летает,
Тает.

Свердловское (Кофе памяти)

Когда мне было 16,
Я покупал по талонам 4 пачки папирос в месяц,
Складывал их в батарею,
Курил сам и угощал друзей.
Когда мне было 16,
Я сочинял песни
И пел их ночами со знакомыми и незнакомыми
В гулких общажных коридорах.
Когда мне было 16,
Я уезжал в пять утра
На пятом троллейбусе
Смотреть кино троллейбусного окна,
Путешествовать до Уралмаша и обратно.
Когда мне было 16,
Я любил бродить в странных серых джунглях
От Цирка до Декабристов,
Шагая через неведомые ручьи
По мостикам канализационных труб,
Как по лохматым шеям ушедших в землю динозавров.

Теперь мне 36.
И я пью кофе памяти.

Биньомин Гутянский. Лунное хулиганство (перевод с еврейского)

Я вам расскажу, но чур! – всё держать в секрете!
Я возьму все лестницы, что есть на белом свете,
Ночью, когда в городе утихнут даже мыши,
Выйду я из дома – чтоб никто не слышал.

Тихо до Луны взберусь – пусть мама не тревожится!
Нарисую я Луне озорную рожицу,
И весёлую улыбку, и очки без дужек,
И приклею по бокам маленькие уши.

Нарисую ей усы и острую бородку,
Надену ей чуть набекрень - колпак, как сковородку!
Быстро слезу, и – айда! - бегом под одеяло...
То-то люди удивятся, что с Луною стало!

Говорящие ромашки - это правда

Память, время, ау! Вы что хулиганите? А возраст вообще - он есть? Вспоминаю детство. В глазах - цветки ромашки - жёлто-белыми созвездиями по морю, в котором нет слёз, лунные лучи над водой и озорные пляшущие человечки. Сбежавшие от Конан-Дойля к Юрию Олеше. Возраста нет. Это - фикция. Правда, очень вредная и въедливая. Ну её...

Но говорящие ромашки - это правда. Они, невидимые, за ухом прячутся. Или - в волосах. Как жёлто-белые звёзды-снежинки, превратившиеся в корону. Навсегда.

Будни философа

Выстраивал Космической Ночи ряд,
Осмыслял парадоксальный зазор
В бытии.

Пропустил очередь,
Испытал фундаментальный позор –
в БэТэИ.

Овсей Дриз. Деревья в серебрянных башмачках (перевод с еврейского)

Густой лес
В лунном свете-
И все деревья
В серебрянных башмачках.
Идут к речке -
Смотреть, как пьёт
Несмышлёныш-телёнок...

И меня тянет
К той же речке.
Наклоняюсь и пью
Вместе с телёнком.

И все деревья
В серебрянных башмачках
Идут туда же.
Здесь - струится речка
Под старым мостом.
И по колёно
В воде - телёнок.

Кажется мне - тысячу лет
Я брожу в лесу,
И куда не иду -
Возвращаюсь назад
К тому же месту.

Звезда упала,
Озарив старый мост,
Он видит, как привязан я
К деревьям в серебрянных башмачках.
К этой речке,
Что журчит под мостом.
И к несмышлёнышу-телёнку...

СНЫ

Ты - мальчишка. Небо, море, улицы, дома, музыка...

И дети. Очень много детей. Улыбчивых, открытых, ясноглазых. Которые знакомятся с тобой, и через несколько секунд кажется, будто вы друг друга знали всегда. Целую вечность. Для которых хорошая, по-настоящему интересная игра - это вся жизнь. Которые смеются. И поют...

Нет времени, и расстояний тоже нет. Есть только мир. И души человечьи, что с ним разговаривают...

Чуть грустно. И светло.

Блюз-медведь

Когда мне грустно – на душе блюз.

Когда мне блюзно – на душе груз.

Но если петь – душою скрипеть –

Блюз свернётся клубком, как зимою медведь.

Ромашковая беседа

Ромашка: Здравствуйте. Я - ромашка. Меня зовут Ромка.

Мир: Здравствуйте, Рома. А я - Мир. Меня зовут Мира. Мирочка, Мирэлэ.

Ромашка: Очень приятно, Мирэлэ. Давайте будем с вами беседовать.

И они беседовали.

До самого утра.

Сказка о Верховском детстве (маленькая поэма)

сестре Наташе Верховской в её день рождения

Помнишь, Наташа,-
Наши
С тобою
Детские игры?
Мы играли в индейцев и в тигров,
(ты ведь хотела стать дрессировщицей
и даже посылала документы
в цирковое училище.
Нам доброй памяти
светят лучи ещё),
Играли в наездников,
фокусников
и клоунов,
Устраивали весёлое цирковое представление.
Временами
Я бегал на кухню
Из банок в шкафу
Потихоньку таскал
Мёд и малиновое варенье,
От мамы тайком.
Всё кувырком...

А помнишь,
Как мы прыгали
На мягком красном диване
В большой комнате?
(А вы-
Рогатый шаман
И оленья голова на стене,-
Это помните?)...
А когда папа
Сделал нам
В детской
Из светлого дерева
Большую деревянную кровать,
Мы по ночам
Подолгу не ложились спать,
Всё разговаривали...
Луна на обоях играла

Хитрою лапкой-лучом,
Я научил тебя
Из одеяла
Мастерить настоящий
хантыйский чум
И играть на арфе
звнящих ночных лунных струн.
Знаешь,
Я ведь тогда был колдун,-
Загадочный полуеврейский мальчик,
А ты - моя добрая Татка-сестрица,
Лебединая девочка-птица.
Ну ладно...
Мы всё плохое забудем
И дальше
Сказку о детстве Верховском
рассказывать будем.
Дальше...

В те дни,
Когда мы с тобой
Оставались одни,
К нам в гости
Светлячковою звёздною горстью
Пробирался таинственный вечер,
Зажигая волшебные свечи
Удивлённых и радостных глаз,-
Твоих и моих,-
Нас двоих...
И мы в зале
Складывали
Из красных диванных валиков
Маленькие
Игрушечные дома.
А на улице снежными крыльями в окна
стучала Зима,
И вместе с зимою
К нам приходил Новый Год -
Удивительно-сказочный праздник.
Мы доставали с антресолей
Ящики с ёлочными игрушками -
Шарами, звёздами,

Снегурочками, хлопущками,
И всей семьёй
Наряжали красавицу-ёлку...
Что теперь с этого толку?
Ну да ладно...
Главное-
Вспоминалась чтоб сказка складно,
Чтоб душу согреть
У лучей доброй памяти -
Памяти нашего детства.
Ведь, кроме него,
Нам с тобой больше некуда, некуда деться...

Какой же всё-таки тогда был год?
Наверно, наступал восьмидесятый,
Не помню точно.
Мы с тобою
Ночью
Вдруг убежали из дому во двор,
Чтобы подслушать тихий разговор
Звнящего ночного неба
И ёлки во дворе с гирляндами огней.
На ней
Зелёный, снежный, сказочный узор
Соткал волшебник-ветер,
И луна,
Купаясь в призрачном, дрожащем, зыбком свете,
Смотрела ласково,
Как добрая колдунья
На двух детей,
Что в праздник полнолуния,
Что в дивный новогодний вечер
Ушли из дома.
Звёзды нам шептали сказочные речи,
Словно знакомым...
Я вижу всё так ясно,
Как будто
Это было всё вчера:-
Мы бегали, смеялись, кувыркались
В снегу. Играли в догонялки,
С разбегу прыгали в сугроб
И вновь смеялись...

Мы были во дворе одни,-
Лишь мы, волшебник-ветер,
снег и ёлка
Да добрая волшебница-луна.
И мы смеялись...
Наверно, Лебедь-Счастье ненароком
Затронул души детские крылом.
Потом
Мы убежали в Дом.
Счастливые,
Продрогшие чуть-чуть,
Растрёпанные,
Без шарфов и шапок.
А Дома ждали нас и волновались
Мама с папой...

Не знаю почему,
Но эта наша сказка
Не отпускает до сих пор души моей.
Как мало нужно для улыбки ей,
Сквозь годы - Память,-
на глазах повязка.
И ничего в прошедшем не вернуть.
У каждого - свой путь,
Дай Бог - счастливый...
Вот только хватит счастья ли на всех?

Так ну и пусть
К нашим душам бежит рыжей белкою грусть,
Плачет,
Гладит печальными лапами
Грустные наши глаза...
Ей нужно просто сказать:

*Знаешь,
У нас есть хорошая сказка
О сестрице Наташе и братце Илюше,
Мы ей греем озябшие души,
Чтоб не плакать тайком по ночам...*

Наташа!
Этот стих-

Только про нас двоих.
Ведь наши души чуть-чуть похожи!
Прости, если что-то не так.
Пусть не тронет тебя чёрный мрак,
Пусть тебя злые сны не тревожат...

Дом

У каждого человека есть дом.

Точнее, Дом. Который в разные времена тебя находит, и тебе показывается. А сам прячется. В каких-то своих пространствах. Он может принимать разные обличья - то бревенчатой лесной избушкой увидится, то огромной, серой, похожей на уставшую птеродактилицу, девятиэтажкой. А то - домиком в детской песочнице, который построили дети. А сами ушли домой. Или избушкой белочных гномов, что однажды осенью я встретил в Долине Ручьёв.

Пусть будет Дом. Хоть где-то.

Тогда - даже если очень грустно - светло.

Биньомин Гутянский. Вэй и Ох (перевод с еврейского)

Два мудреца однажды жили-поживали,
Один был Ох, другой был Вэй – вот так их звали.

Вот приходит к Оху Вэй:
«Вэй! Дом мой развалился
Куда мне, бедному, идти?
К тебе б я поселился...»

Ох в ответ: «Тут ветры кружат,
Сырость жуткая и стужа...
Давай-ка жить на улице –
Как коты и курицы».

И вот сидят на улице – Ох и Вэй – оба,
Как коты и курицы – посреди сугроба.

Сварить решили
Вэй и Ох
Чай необыкновенный -
Огонь в сугробе разожгли, -
Растаял снег мгновенно!

Вмиг снежный дом их стал ручьём.
Вода повсюду льётся!
Огонь погас, а чайник – плюх! –
Прям в лужу
И смеётся...

И вот сидят и Ох и Вэй – сидят и скучают.
Нет у них дома. Нет у них и чая.

Месяц Серого Неба

Наступил дождь. Он весёлый, но хмурый. Хочет засмеяться, но вспоминает что-то - и не может. Поэтому не смеётся, а просто улыбается. Задумчиво и странно. Но брови его сами собой хмурятся. И от этого небо светлое. Но серое. Это май как сентябрь. Месяц Серого Неба.

Время выходить на притихшие улицы и бродить в неизведанные страны.

А дождь - поглядит на нас и - будет весело хмурить уши!

Лапы дождя

Дождик ходит по асфальту
Тяжёлыми лапами.
Дома дети сидят.
Дома - мамы с папами...

Концерт у распахнутой форточки

Сегодня для кого-то - просто, а для меня – необычный день...

Потому что ночью я глянул в окно – а месяц в небе

задумчиво уселся на пень,

Взял в тёплые жёлтые ладони звонкие колокольчики звёзд –

И начался удивительный праздничный концерт – в полный рост!

По всему небу зазвенели знакомые и незнакомые мелодии,

И - с сигаретой у форточки - будто бы снова оказался в Новом годе я.

А звёзды тихо пели: «О-У-Э!» и почему-то рисовали на небе

цифру «СЕМЬ»,

И никакой тревоги или печали в их песнях и рисунках не было совсем.

Потому что праздник – это праздник, и когда он приходит – душа поёт,

И от этой радостной песни все чёрные птицы

изумлённо раскрывают свой чёрный рот

И поэтому уже невозможно огорчаться или печалиться уже ничему,

А все чёрные птицы – с позором улепётывают в Аделаиду или в Кострому.

А с тобой остаются только белые, синие, оранжевые и разноцветные -

Как одуванчик, василёк и ромашка -

Памяти детства

Лучи

За душою –

Почти неприметные...

Разговор с шарманщиком

-Шарманщик, а шарманщик?

Ты не вор?

Не обманщик?

-Нет. Я хожу по дворам.

С деревянным мальчишкою вместе.

Ручку кручу - и - летят в осеннее небо песни:

Тар-рра - рам!

Тар-рра - рам!

Ррам!!!

Лесная Лисица и белые бабочки

Яреле

Лисица бегала по лесу
А лес был добрый и заснеженный
У лисицы был колпак с бубенчиками
А кедровые ветви приветливо махали ей лапами
У лисицы был смешной балахон в разноцветную клетку
А ветер ерошил ей рыжую шерсть на загривке и улыбался
У лисицы в лапах был старинный бубен – синий с золотыми искорками
А предвечернее небо уже сплетало лисице на голову венок
Из зимних дрожащих в сумраке звезд
Лисица прыгала, пела, смеялась –
И весь лес радостно звенел вместе с нею
Появились сороки –
И танцевали с лисицей на полянах снежных лесных листов
Прилетели снегири –
И расселись по веткам, как красногрудые волшебные фонарики –
вокруг лисицы
Прискакали белки –
И хлопали в ладоши лап вместе с лисицей
Прибежали собаки –
И радостно мотали головами из стороны в сторону вместе с лисицей
Вдруг откуда не возьмись – взялись бабочки –
И белыми пушистыми королевами стали опускаться лисице
Прямо на её любопытный нос
И тихо-тихо зашептали ей песенку:

*ты лисица сядь на пенек
и запомни этот день
этот день и этот вечер
шелест сосен бесконечен
будет время как поток
сквозь тебя бежать насквозь
ты же прячь в груди исток
ты - волшебный леса гость
оставайся тут всегда
пусть сбегут твои года*

И лисица, улыбнувшись от уха до уха, как рыжее лесное солнышко, отвечала:

*спрячу в карман души платок памяти
время и годы – вы меня не обманете*

И до сих пор танцует в предвечернем сумраке снежного леса.
Снежного-снежного. Как лист бумаги с ненаписанными ещё строчками.
Самого главного в мире стихотворения.

Быть птицей

Я - филин. Сижу на суку, шепчу под нос: КУ-КУ! КУ-КУ! Когда все люди спят - у меня маскарад. Когда все проснулись, у меня во сне - паутинки улиц.

Я в утку превращался на Чистых Прудах, выныривая, взлетал. И серебристые капли стекали с крыльев. И ветер перья трепал. Или это уже во сне? Или – я бельчонком сидел на сосне? Помню. И не помню. Свой маленький мир - снами огромню.

Как плыл со дна пруда к поверхности – где вода. Как лапки складывал, взлетая, - и пространство звенело, тая. А на берегу собака играла с огрызком булки...

И змеились серебрянной россыпью переулки.

Овсей Дриз. Чай со звёздами (перевод с еврейского)

Ах,
Если б можно
Было всё
Вернуть назад!
Мне – на кончике ножа
Кусочек счастья.
Зарезанному гусю –
Крыльев взмах.
Иссохшей речке-
Золотую рыбку.
А моему
Единственному сыну-
Сон цветной
Из лопнувших когда-то
Мыльных пузырей,
И ночь вчерашнюю,
Что чай со звёздами
Ребёнку принесла.

Но спи, поэт,
Спи, дуралей.
Усни и ты.
Нет конца у мечты.

Родниковый огонь

Летит разноцветная бабочка. У бабочки - крылья. На них узоры - невесомую звёздной пылью. Бабочка летит легко, над землёй и над ночью - высоко-высоко. Бабочка видит много - вот город, вот горы, вот дождь, вот дорога. Бабочка летит и поёт песню - потому что без песни мир - дрогнет и треснет. Бабочка поёт, как дышит - её даже серебряный дракон на луне слышит. Он улыбается во всё драконье горло и приветливо машет бабочке кисточкой хвоста. А бабочке звёздная пылинка трогает уста. И она, удивлённо улыбаясь - летит прочь. Неведомо куда, в мохнатую чёрную ночь. Потому что бабочка - разноцветная, в ночи как первая искра рассветная. Как вечная солнечная белка миру приветная. Лети, бабочка. В далёкий край, где собака не лай, где кот не фырчи, ни в вечеру, ни в ночи, где и мышь не шурши, не скрипи, камыши, где ни полночные горы, ни крысиные норы, ни чёрным огородом, ни русалочьим хороводом. Никто тебя не тронь. Лети, тёплых ладоней родниковый огонь.

Две кошки августа

Лето и осень - две весёлых взъерошенных кошки.
У кошки-лета - шерсть одуванчиковая в оранжевых пятнышках.
У кошки-осени - золотая с россыпью жёлто-зеленых хвоинок.
Кошка-лето всё бегала да прыгала. Устала. Медленно хочется спать.
Свернётся калачиком - и ей целый год будут сниться
В синем-синем небе апельсиновые воздушные шары.
А кошка-осень - уже выпалась. Мягко ступает рыжими лапами
По траве, по тропинкам, по тротуарам, по дворам и песочницам.
Всё превращает в притихшее рыжее золото. Улыбается.
И ещё далеко -
Молоко
Первого снега.

Старик-мальчишка (листья памяти)

Когда я был маленьким, у меня не было бороды. А теперь она есть. И никуда от неё не деться. Её можно гладить, и за неё можно дёргать. И ещё с ней не холодно зимой. Зачем она – я сказать не могу. Но она обязательно должна быть. Иначе что-то нарушится в нашем, и так не слишком прочном мире.

Когда я был маленьким, я не знал ни слова на идиш. Я знал, что есть такой язык, и он – наш, но на нём говорила только прабабушка Люба. Причём – только со мной. Но мне было 5 лет, а она умерла. А я вместо этого вырос. Теперь хоть слово на идиш я знаю.

Когда я был маленький, я совсем не играл на гитаре. И я не мурлыкал ни сказочных песен, ни блюзов. Хотя я знал, что такое сказка. В детстве ведь сказки лучистыми солнечными снежинками кружатся вокруг – только ладошки подставляй. И лес, и парк, и вертолётная площадка, где, как говорили, кто-то нашёл настоящие меч и кольчугу времён Ермака. И половодье весенних луж, умеющих подозрительно быстро превращаться в моря и океаны. По которым, конечно, мы пускали кораблики. Сказки были рассыпаны везде. Щедрою горстью Неба.

И я знал, что такое блюз. Когда я, четырёхлетний, в резиновых сапогах, красной болоневой куртке и шапке с помпоном стоял почти по колено в луже на разбитой плитовой дороге у подъезда и прощался со старым деревянным баракком в Авиагородке, где прошло моё детство (А дальний лес? А болото сразу за домом? А неизведанные пространства за гаражами? Что, больше НИКОГДА? Не доиграли...) и когда впервые в жизни у меня тоскливым птенцом задрожало сердце – это был мой первый блюз. И я его играю всю жизнь. Мы переехали в центр, но меня до сих пор тянет в этот старый дом, в котором остался жить мой друг. И в пятницу вечером я хожу к ним в гости. К другу и к дому. К моему дому.

А теперь я большой. Просто невероятно большой. Настоящий великан. Да ещё и с бородой. Да ещё и с гитарой, сказочными песнями и блюзами. И с идиш. Да, теперь я бы мог немножко поговорить с прабабушкой Любой. Но поздно. Извините меня.

Я не знаю, узнал бы себя во мне тот, четырёх-пятiletний мальчик. Наверное, нет. Наверное – поглядел бы широко открытыми глазами – и убежал бы. А он и так убежал. Забрался внутрь, и теперь там живёт. Иногда приходит во снах. А иногда, тихо-тихо так – за бороду дёргает. И шёпчет какие-то странные слова. На нашем потайном певучем языке. Но ведь он не мог знать идиш тогда! Когда я просыпаюсь, и удивлённо оглядываюсь вокруг, я вспоминаю эти слова. Они очень простые. И очень мудрые. Теперь я знаю, кто я.

Их бин а зукн-йингелэ.

Я – старик-мальчишка.